

это говорит о том, что при наличии баштины в Сербии прония оказывалась ненужной и непривычной именно в качестве наследственного военного владения. Столь же излишней в данном смысле была, быть может, прония и в качестве кормления, невоенного держания, так как в державе Неманичей существовала уже в это же время собственная форма владения для подобной цели — так называемая «держава», которая так же, как баштина и прония, впервые упоминается в Георгиевской грамоте Милутина (1300 г.).

Все это заставляет обратиться вновь к рассмотрению этого чрезвычайно обширного и интересного документа. Проанализируем данные грамоты о пронии с тем, чтобы установить, действительно ли встречающиеся в контексте этой грамоты термины «прония» и «прониар» соответствуют реальной обстановке сербского управления в данных районах Северной Македонии или же они служат лишь остатком прежних византийских привилегий, полученных Георгиевским монастырем и подтвержденных Милутином. Сразу же заметим, что пазванные термины встречаются в тексте грамоты лишь в разделе, посвященном подтверждению прав собственности монастыря на село Речице (в области Полог), которое было даровано монастырю и закреплено за ним несколькими византийскими императорами, болгарскими царями и сербскими королями¹⁰. Как нам кажется, это обстоятельство следует особенно учитывать при истолковании следующих постановлений, относящихся ко всему селу Речице и к отдельным частным владениям, которые были присоединены к селу королем Милутином.

Так, этот щедрый даритель передал монастырю надел мелкого землевладельца Драготы, поскольку «Драготино место в Речицах оказалось царской пронией, а не баштиной Драготиной». В соответствии с этим тогдашний держатель этих земель Манота, зять Драготы, стал подданным обители, ее вассалом — «войником», так как, вновь подчеркивает в грамоте Милутин, «его (т. е. место Драготы. — *Е. Н.*) нашло королевство мое в старых хрисулах [в качестве] царской пронии, а не [как] драготину баштину»¹¹. Мы, следовательно, можем констатировать прежде всего, что речь идет не о прониях и прониарах уже сербского (а не византийского) происхождения, а о прослеживании прав собственности в Положской области по старым византийским актам. Иными словами, данные определения Милутина еще не дают основания согласиться с мнением Г. А. Острогорского, который считает Драготу и его зятя Маноту прониарами, точно так же как и Маноту (уже после передачи этого надела монастырю) — монастырским прониаром¹². Заметим в данной связи, что в грамоте вовсе не говорится о наделении Маноты пронией со стороны Георгиевского монастыря.

Более того, и Драгота не имел пронии во времена византийской власти в Македонии, поскольку в грамоте говорится не о Драготиной пронии, а о «царской пронии». Подлинный смысл этих слов выясняется, на наш взгляд, при сопоставлении с другим разделом грамоты, где снова фиксируются права монастыря на село Речице. «И соединило королевство мое — гласит грамота, — [его] со всеми стасями (т. е. землями Драготы и Маноты, как и другого «войника» Калогоргия. — *Е. Н.*), пусть его держит святой Георгий (т. е. монастырь. — *Е. Н.*) невозбранно, а отседе и до века пусть не вступит иной прониар в Речице, кроме св. Георгия. И в Речицах пусть не будет эксонрика (т. е. передачи земли в приданое «па сторону». —

¹⁰ Р. Груий. Три хиландарске повеље. «Зборник за историју Јужне Србије и судских области», књ 1. Скопље, 1936, стр. 14—15.

¹¹ Там же, стр. 15 («царска прония а не баштина Драготина», «царске проние а не Драготиноу баштиноу»).

¹² Г. Острогорски. Пронија, стр. 127—131.